

ЯЗЫК МОЙ — ВРАГ МОЙ

Замок Шато де Казенев, Гасконь, Франция — июнь 1666 года

Я всегда любила поболтать, а уж сказки были моей страстью.

— Вам следует попридержать свой очаровательный язычок. Он достаточно длинен и остер для того, чтобы вы им перерезали себе горло, — заявил мне наш опекун в последний вечер перед моим отъездом в Версаль.

Он восседал во главе огромного деревянного стола, стоявшего в арочном обеденном зале замка, с неудовольствием поджав губы и глядя на немудреное крестьянское угощение, которое подали нам слуги, — рагу из белых бобов с мясом, запеченное в глиняной миске. За четыре года он так и не смог привыкнуть к простому и незатейливому гасконскому рациону, которого мы придерживались.

Но я лишь рассмеялась в ответ.

— Разве вы не знаете, что язык женщины — это ее шпага? Вы же не хотите, чтобы мое единственное оружие заржавело, не так ли?

— На этот счет я могу быть совершенно спокоен. — Маркиз де Малевриер был начисто лишен чувства юмора и вдобавок обладал невзрачной внешностью старого козла, а его желтоватые глазки неотступно следили за нами, чем бы мы с сестрой ни занимались. Он искренне полагал, что наша мать безнадежно избаловала своих дочерей, и поставил перед собой задачу перевоспитать нас. Он вызывал у меня отвращение. Нет, пожалуй, «отвращение» — слишком мягкое слово. Я его презирала.

Но тут в разговор вмешалась моя сестра Мари:

— Прошу вас, сударь, не будьте слишком строги к ней. Вам должно быть известно, что Гасконь издавна славится своими трубадурами и менестрелями. Она никого не хотела обидеть.

— Обожаю бахвальство и фанфаронство, — пропела я. — Гасконаду¹ в особенности.

Мари метнула на меня предостерегающий взгляд.

— Вы же понимаете, что Шарлотте-Розе придется подсластить свой язычок, дабы завоевать положение в обществе.

¹ Хвастовство, бахвальство, преувеличение собственных достоинств.

— *Sangdieu*¹, истинная правда. С ее-то внешностью ей больше не на что рассчитывать.

— Вы несправедливы к Шарлотте-Розе, сударь. У нее очаровательное личико...

— Весьма посредственное, и то, если она спрячет свое жало, — перебил ее маркиз де Малевриер. Я скорчила рожицу, враз став похожей на горгулью, и показала ему язык, он постучал ложкой по деревянной крышке стола, испещренной царапинами. — Советую вам смягчить свою язвительную непосредственность, мадемуазель, иначе недалеко и до беды.

Жаль, что я его не послушалась.

Версальский дворец, Франция — январь 1697 года

Сердце мое было преисполнено горести и сожалений, когда, держась за ремень, я сидела в экипаже, который катил прочь от Версальского дворца. День выдался унылым и пасмурным, и небо покрывали синяки снежных туч. Я была уверена, что нос у меня покраснел. Я буквально *чувствовала* его. Плотнее запахнувшись в подбитую мехом накидку, я постаралась утешиться хотя бы тем, что меня не примут за нищенку.

Я все еще не могла поверить в то, что король сослал меня в монастырь. Очевидно, это была кара за те непочтительные рождественские куплеты, что вышли из-под моего пера, но ведь все дамы в салонах изощренно насмеялись над церковью. Наказание за столь мелкое прегрешение представлялось мне непомерно жестоким. Ведь не мог же король и в самом деле поверить сплетням о том, что у меня интрижка с его сыном? Мы с дофином² были лишь добрыми друзьями. Нас объединяла любовь к искусству и ненависть к королю. Пожалуй, я была чересчур смела в выражениях. Пожалуй, мой язычок — и перо — стали чересчур уж острыми. Я чувствовала себя в безопасности под покровительством дофина. Впрочем, он сам всегда говорил, что самый надежный путь навлечь на кого-либо гнев монарха — попросить отца явить благосклонность к этому человеку.

На самом краешке сиденья напротив съезжилась моя служанка Нанетта, горестно глядя на меня, но я старательно избегала ее взгляда.

— Произошло какое-то недоразумение, — сказала я. — Король вскоре призовет меня обратно. — Я попыталась улыбнуться.

— А разве вы не могли обратиться к нему и вымолить прощение, Бон-Бон? — спросила Нанетта.

¹ Клянусь Богом! Будь я проклят! (*устар., фр.*)

² Дофин — с XIV века титул наследника французского престола (но только потомка действующего короля).

— Я пыталась, — оправдывалась я. — Но ты же знаешь короля. Он, наверное, самый неумолимый и безжалостный человек по всем христианскому миру.

— Бон-Бон!

— Ни к чему упрекать меня, Нанетта. Я говорю правду.

— Но оказаться в заточении в монастыре! Стать монахиней! — едва слышно произнесла Нанетта, содрогаясь от ужаса. — Ваши родители наверняка переворачиваются в гробах.

— Разве у меня был выбор? Изгнание или монастырь. Теперь, по крайней мере, король будет платить мне пансион, и я останусь на французской земле, и буду дышать французским воздухом. Куда еще я могла отправиться? Каким еще образом содержать себя? Я слишком стара и уродлива, чтобы шляться по улицам в поисках клиентов.

Нанетта недовольно поджала губы.

— Вы вовсе не старая и не уродливая.

Я рассмеялась.

— Для тебя — да, моя Нанетта. Но, можешь мне поверить, большинство придворных в Версале полагают меня уродливой старой каргой. Мне уже сорок семь, и даже мои ближайшие подруги никогда не считали меня красавицей.

— Вы — не уродливая старая карга, — упрямо возразила Нанетта. — Не красавица — да, но в этом мире есть вещи и поважнее красоты.

— *Belle laide*¹, как зовет меня Атенаис, — сказала я, пожимая плечами.

Это выражение использовали для описания женщины, привлекающей внимание, несмотря на заурядную внешность. Мой опекун говорил правду, когда сказал, что с моей внешностью мне не на что особенно рассчитывать.

Нанетта осуждающе поцокала языком.

— Маркиза Монтеспан² вам и в подметки не годится. Не слушайте ее. И не смейте считать себя уродливой старой каргой. Я никому не позволяю так отзываться о себе, хотя в моем случае это — правда.

Невольно я улыбнулась. Нанетту никак нельзя было назвать красавицей. Она была невысокого росточка. Такая худенькая, что из-под кожи выпирали кости. Неизменно одетая в черное. Свои редкие седые волосы зачесывала назад, стягивая в пучок на затылке. К тому же она растеряла почти все свои зубы. Но в ее черных глазах сверкало ярост-

¹ Здесь: красивая уродина (фр.).

² Франсуаза Атенаис де Рошешуар де Мортемар (1641—1707), маркиза де Монтеспан — официальная фаворитка короля Людовика XIV, от которого родила семерых детей.

ное пламя, руки оставались мягкими и нежными, а ум — столь же живым и острым, как и прежде.

Нанетта стала моей служанкой еще в ту пору, когда меня только-только отлучили от груди кормилицы. Помню, как совсем еще маленькой я лежала в огромной кровати под балдахинном, в старой стеклянной лампе подрагивал язычок пламени, и я сквозь сон слушала, как она нараспев шепчет: «Господи! Ты испытал меня. Ты знаешь, когда я ложусь и встаю; Ты разумеешь помышления мои. Иду ли я, отдыхаю ли — Ты рядом со мной. Все пути мои известны Тебе». Тогда Нанетта представлялась мне чем-то вроде Бога из того псалма. Она угадывала, чего я хочу, раньше, чем я успевала сказать об этом. Она опекала меня, как заботливая мать, я всегда чувствовала ее надежные руки.

— Вам бы лучше написать своей сестре о том, что случилось, — продолжала Нанетта. — Мари — не такая умница, как вы, но у нее доброе сердце. Она уговорит своего супруга, чтобы тот замолвил за вас словечко перед королем.

— Заодно я напишу и принцессам, — подхватила я. — Они закажут истерику своему отцу. Ведь не может же он просто так взять и отлучить от двора всех самых интересных людей, верно?

Нанетта осуждающе нахмурилась, зато мне мысль о трех курящих трубки внебрачных дочерях немного подняла настроение. Рожденные от двух фавориток короля, они были признаны его законными детьми и вышли замуж за герцогов и принцев, внося бесспорное оживление в придворную жизнь скандальными любовными похождениями, экстравагантностью, азартными играми и постоянными насмешками над теми, кто занимал более высокое положение при дворе. Хотя они были намного моложе меня, мы стали добрыми подругами, и я частенько бывала у них на званых вечерах и в салонах.

Но улыбка моя медленно увяла. Принцесса де Конти более не пользовалась благосклонностью короля и его нынешней фаворитки, Франсуазы де Ментенон, которая, не являясь королевой, вот уже пятнадцать лет обладала большой властью. Кое-кто даже шепотом уверял, что Людовик сочелся с нею тайным браком. Увы, но Франсуаза не блистала красотой и очарованием в отличие от прежних фавориток короля. Мало того, что ей уже перевалило за шестьдесят, она была еще и невыразительной, низкорослой и полной особой, вдобавок слишком уж набожной для незаконнорожденных дочерей нашего монарха.

Мысли о принцессах заставили меня вспомнить о том, что их матери, фаворитки короля, закончили свою головокружительную и блистательную карьеру заточением в мрачных и суровых монастырских стенах.

Луиза де ля Вальер, первая фаворитка короля и мать принцессы Марии-Анны, стала сестрой Луизой де ля Мизерикорд.

Атенаис, маркизу де Монтеспан, мать принцессы Луизы-Франсуазы и принцессы Франсуазы-Марии, против ее воли сослали в монастырь, причиной чего стали возмутительное поведение и слухи о ее забавах с черной магией и ядами.

Легкомысленная и недалекая Анжелика де Фонтанж, сменившая Атенаис на посту фаворитки, скончалась в монастыре в возрасте двадцати лет. По слухам, ее отравили.

Я вела себя глупо и безрассудно. Почему король должен был терзаться сомнениями относительно того, отправлять или нет в монастырь *меня*, когда он с такой легкостью избавился от фавориток, которые стали матерями его детей? Во все века женщины заточали в монастырях. Младших дочерей отправляли туда еще детьми, чтобы родителям не пришлось готовить им богатое приданое на свадьбу. Непокорных девушек заточали в монастырских стенах в наказание за неповиновение. Вдов, подобных моей бедной матери, тоже ссылали в монастырь по приказу короля, несмотря на то, что она была гугеноткой¹ и всем сердцем ненавидела Римскую католическую церковь. Больше свою мать я не видела.

Хотя я старательно делала вид, будто ничуть не расстроена происходящим, в животе у меня образовался ледяной комок страха. О монастырях я знала совсем немного, за исключением того, что, попав туда, обратно никто не возвращался. Нанетта часто рассказывала мне о том, как жена Мартина Лютера², бывшая монахиня, смогла бежать из монастыря, только спрятавшись в пустую бочку из-под рыбы.

Жизнь при дворе Людовика Солнце³ была единственной, которую я знала. Я жила в его окружении с шестнадцати лет. Что я могла знать о том, каково жить на коленях, вознося бесконечные молитвы и перебирая четки?

Я больше никогда не буду заниматься любовью, танцевать, галопом мчаться за гончими или сдержанно улыбаться, когда весь салон парижских куртизанок смеется и бурно аплодирует какой-либо моей истории. Никогда больше не прижму сложенный веер к сердцу, показывая на немом языке двора, что оно разрывается от любви. И больше никто и никогда не поцелует меня.

Наконец пришли слезы. Нанетта протянула мне носовой платок, который держала на колене специально для такого случая. Я промок-

¹ Название с XVI века французских протестантов (кальвинистов).

² Мартин Лютер (1483—1546) — христианский богослов, инициатор Реформации, переводчик Библии на немецкий язык. Его именем названо одно из направлений протестантизма.

³ Людовик XIV де Бурбон, получивший при рождении имя Луи-Дьедонне («Богоданный»), также известный как «король-солнце», также Людовик Великий, (1638—1715) — король Франции и Наварры с 14 мая 1643 г. Царствовал 72 года — дольше, чем какой-либо другой европейский король в истории.

